

Л. В. ПУМПЯНСКИЙ

I. О поэзии В. Иванова: мотив гарантий

1. Перед нами не сборник стихов, а «поэтическая система» (одна из 5–6 нашей замечательной эпохи), т. е. мир, который силен призвать жить собою, потому что он организовал в одном направлении громадную семью концептов; повторить отраженно это медленное их движение в одном трудном и важном направлении — вот что привлекает к «поэтической системе» стремящиеся умы. «Поэтическая система» иногда может быть очень невелика по массе (Тютчев, Китс, К. Ф. Мейер) и немногосоставна; иногда громадна по массе; иногда же по разнообразию инородных поэзии элементов: В. Иванов. Я себе представляю будущие работы о В. Иванове начинающимися с подробного изучения этого чужеродного: Religionswissenschaft¹, греческая античность, германская философия, символизм, итало-английская культура сонета и пр. Затем общий вопрос: почему столько знания слилось с поэзией? А уж затем определение главного направления его поэзии. Только тогда стало бы ясно, кто близок В. Иванову: тип соединения научного знания с поэзией всегда точно обусловлен типом поэзии самой, а потому и есть верный путь... Тут сразу: не Брюсов, хотя оба в русском Ренессансе единственные вооруженные громадным точным научным знанием. Брюсову нужен был прежде современный сверхчеловек, нужно выпить все, на что дает право сила; его эрудиция — того же порядка, что физиологический характер его поэтической системы. Но чтобы понять В. Иванова, нужно через облегчающий пример Жуковского взойти к Данту.

«Не узнавай, куда я путь склонила...» * К каждому слову можно — комментирующие стихи из В. Иванова, это та же система жизни, в которой преобладающий факт — смерть возлюбленной. Здесь следующие элементы: 1) любовь как всемирный замысел; 2) разные пути:

* Жуковский В. А. Сочинения / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд. СПб., 1878. Т. I. С. 467.

более достойному — смерть, спутнику — пески («над жаждущим, влачащимся в песках»²); 3) дерево: чтобы соединиться с нею — корни в Ад, листву в небо. Подымается громадное всемирное дерево, цель роста которого — сохранить бывший всемирный замысел. Отсюда ясно, что острая связь научной культуры с поэзией у В. Иванова происходит из принципов романтизма, от превращения неисполненной любви в Древо³. Очевидно, надо исследовать замысел.

2. Эпиграф к «*Cor ardens*»: огненная смерть у Гёте есть разрешение уз («Бог и баядера»): «*nicht mehr bleibest du umfangen / In der Finsternis Beschattung*⁴. Гёте уловил мгновение второго рождения. У Гёте же есть и *гарантия*: «*überfällt dich fremde Fühlung*»⁵ — это уже почти тема Солнца-сердца, Гёте уже прислушивается к стуку освободителя в груди. Я помню давнее: на торжественном, малопонятном языке здесь возвещалась возможность выхода из круга рождений. Оказывалось, что подвиг освобождения творится и солнцем, обнимающим все в распяты, и темным узником в узкой келье: *nos habitat... illa facit*⁶. Это повесть о подвигах солнца и сердца. Итак, гарантия освобождения есть: солнце названо вожаком, пастырем, оратаем, и эта часть стихов — настоящие в точном смысле слова стоические гимны о распятом страстотерпце — Солнце. Вообще отношение к Солнцу... Три возможных типа:

1) частный символ, в классицизме (...*qui peut-être rougis*...⁷); это свобода и царство;

2) реакция живописности, зрелища: «*Le globe du soleil, prêt à se plonger dans les flots, apparoissoit entre les cordages du navire au milieu des espaces sans bornes. On eût dit, par les balancements de la poupe, que l'astre radieux chargeoit à chaque instant d'horizon*»^{*8}.

3) Морализация природы, нравственные страдания солнца (Мишле: *rien n'a péri et la nature est entière. Béni sois-tu, Soleil, de nous donner encore un jour*⁹). Это солнце — благо, и основал его поэтику Руссо. В лучшей руссоистской традиции и *Und das selbstständige Gewissen*...¹⁰

На первый взгляд, В. Иванов — к третьему типу, потому что он славит героическую славу солнца. Но смысл этой славы обнаруживается: сердце ближе источнику чудес, соприроднее ему: уже редуют завесы (один из тисков его языка), и скоро незримый освободитель озарит темный лес ожидания. Очевидно, это не есть автономная совесть, а кузнец будущего спасения, *знак* неложности надежд: мы явно в орфическом кругу и справляем мистерию гарантий. Этим гимнология В. Иванова входит в линию... общее: 1) ожидание реального чуда; 2) ожидание его в конечном, и притом близком, будущем; 3) означение ожидаемого эмблемой, которая связывает его с гарантией. Как росли

* Chateaubriand F.-R. Génie du christianisme. Partie I. Livre V. Chap. 12.

эмблемы, как XVIII в. стал типичным миром иероглифов свободы, как сложилась царица эмблем: крест, оплетенный розами...

Und leichte Silberhimmelswolken schweben,
Mit Kreuz und Rosen sich empor zu schwingen,
Und aus der Mitte quillt ein heilig Leben
Dreifacher Strahlen, die aus Einem Punkte dringen ¹¹.

Это крест не Церкви, а розенкрейцерства; это орфическое отношение спасителя к спасаемым. На Западе оно понятно, потому что Запад знал рыцарство, но что означает рыцарский религиозный гений в России? Конечно, это альбигойская ересь, хотя бы было локализовано в поэзии. Круг же услышавших я всегда себе представлял как невидимый союз альбигойского типа.

3. Искажение, превратившее Солнце в вожатого, развернулось в поэтику природы, которая не имеет подобия в истории поэзии: природа стала рядом видений и предвестий (как будто вся эта поэзия вышла из факта биографии В. Соловьева). «Твоя ль голубая завеса...» *

Еще важнее новая поэтика эроса: двое соединяются, чтобы стать семенем вселенского пожара. Здесь учение и о конце мира, и гераклитовские воспоминания, и радость о гибели мира чрез дело Петра Великого, и Петербург как начало пожара. Тайна эта не нежна, они хотят быть костром в сухом лесу, сигналом. Это тип любви, который усилен сознанием, что он в кануне катастроф; двое знают тайну и хотят своей любовью спалить мир.

После Эроса всё больше орфический Христос заменяется гностической Изидой («братья, недолго...» ¹²), а русская земля всё больше становится Изидиным Египтом.

В «Нежной тайне» достигает совершенства и тип превращения феномена природы в симптом, в застывший намек. «Дымятся тучи тускло-голубые...» **

4. А. Белый. С. 230–231 ¹³.

5. В исторической связи *русской* поэзии это дает мир без *литературного* будущего. Религиозное и литературное здесь совершенно непараллельны; и если даже допустить, что в истории русской религиозности В. Иванов займет особое важное место, в истории русской литературы будет иначе. Обвинение А. Белого можно историко-литературно формулировать так: отсутствие вымысла, сюжета. Державин ¹⁴.

3 апреля 1925 г.

* Иванов В. Cor ardens. М., 1911. Ч. I. С. 77: «Покров».

** Иванов В. Нежная тайна. СПб., 1912. С. 16: «Завесы».